

Эллен Мейксис Вуд

«ПРИБАВОЧНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ»: ВОЙНА БЕЗ КОНЦА¹

Впервые в истории современного национального государства крупнейшие мировые державы больше не ведут прямого геополитического и военного соперничества. Прекрасной заменой такому соперничеству стала капиталистическая конкуренция. Но чем большим было преобладание экономической конкуренции в отношениях между ведущими государствами над военным противостоянием, тем больше Соединенные Штаты стремились стать мировой державой, обладавшей невиданной доселе военной мощью.

Почему при новом капиталистическом порядке на Соединенные Штаты приходится 40 % всех военных расходов в мире, особенно когда внутри самой страны остается так много нерешенных проблем — вспомним только потребность в приличной системе здравоохранения? Почему существует такое беспрецедентное неравенство силы в мире, где самая значительная «асимметрия» имеет место не в отношениях между США и «странами-изгоями» или «террористами», а в отношениях «между США и остальными державами»?² Не нужно забывать, что США теперь обладают большей военной силой, чем следующие восемь держав вместе взятые (а в некоторых отношениях даже большей, чем *все* остальные страны), а их бюджет равен сумме бюджетов следующих двенадцати-пятнадцати стран вместе взятых. Некоторые могут назвать это «прибавочным империализмом»,³ но, как бы его ни называть, причины его появления вовсе не очевидны.

В этом состоит парадокс нового империализма. Это первый империализм, в котором военная власть не служит ни завоеванию территорий, ни даже победе над соперниками. Это империализм, который не стремится к территориальной экспансии или физическому господству над торговыми путями. Тем не менее он создает такую огромную и несоразмерную военную силу, имеющую беспрецедентный мировой охват. Возможно, именно потому, что

1 Ellen Meiksins Wood. *Empire of Capital*. London: Verso, 2005. Pp. 143–163.

2 Paul Kennedy. The Eagle Has Landed // *Financial Times Weekend*. February 2–3, 2002. P. 1.

3 Этим словосочетанием я обязана Роберту Бреннеру.

этот новый империализм не имеет четких и понятных целей, у него и возникает потребность в такой огромной военной силе. Ограниченное преобладание глобальной экономики и множества государств, которые управляют ею, требует военных действий без конца и края.

ВОЙНА БЕЗ КОНЦА

Когда в 2001 году Соединенные Штаты (и Британия) не стали наносить массированного удара по Афганистану сразу же после событий 11 сентября, во всем мире это вызвало удивление, смешанное с чувством разочарования или облегчения.⁴ Никто не сомневался в том, что они нанесут подавляющий и высокотехнологичный удар, который позволит сберечь жизни американских солдат, хотя и причинит существенный «сопутствующий ущерб». Но тогда, хотя и ненадолго, в Белом доме верх одержали «умеренные», то ли потому, что было крайне необходимо сохранить коалицию против терроризма, то ли потому, что надвигалась зима, то ли потому, что Талибан можно было просто взорвать без войны. Всякое нападение должно было быть «соразмерным» и «пропорциональным». Оптимисты надеялись, что Буш осознал полезность многостороннего подхода. Пессимисты опасались того, что худшее еще впереди. Но и критиков, и сторонников поразила сдержанность, выказанная единственной в мире сверхдержавой.

Затем начались бомбардировки. Массированный высокотехнологичный удар с огромным сопутствующим ущербом. И все же высказывались робкие надежды, что удары будут тщательно просчитанными и «соразмерными» и что кампания вскоре закончится. Между тем Соединенные Штаты заявили ООН, что они оставляют за собой право наносить удары по целям и за пределами Афганистана. После падения режима Талибана в Афганистане конец «войны против терроризма» стал казаться еще более далеким, чем в начале.

Некоторые положения этого неограниченного военного проекта были раскрыты в начале войны. 30 сентября лондонский *Observer* опубликовал специальный репортаж под названием «Внутри Пентагона»:

После начала войны в Афганистане стали ходить слухи, что главнокомандующий вооруженными силами Соединенных Штатов президент Джордж Буш-младший поддержал проект, который ястребы в Пентагоне называют операция «Бесконечная война»...

Как выяснил *Observer*, министр обороны Дональд Рамсфельд представил на рассмотрение президента два подробных плана бесконечных военных действий, решение по которым временно отложено. Они были подготовлены его заместителем Полом Вулфовицем... В этих планах отстаивалась необходимость ведения войны без ограничений по времени или географии...

4 См.: Ellen Meiksins Wood. *Infinite War // Historical Materialism*. Vol. 10. No. 1. 2002. Pp. 7–27.

Военные в Пентагоне предпочитают говорить о «возобновляющихся альянсах», похожих на диаграмму Венна, когда в одном частично перекрывающемся центре определенные страны входят в орбиту Соединенных Штатов в различных секторах и на различных этапах бесконечной войны. Единственными странами, находящимися в центре диаграммной розы, где происходит наложение всех кругов, являются Соединенные Штаты, Британия и Турция.

Официальные лица говорят, что в этой беспрецедентной войне правила будут создаваться по мере ее развития и что так называемая «доктрина Пауэлла», которая говорит о недопустимости военного вмешательства без «ясных и достижимых» политических целей, устарела...⁵

Отказ от идеи о том, что военное вмешательство должно иметь четкие и достижимые политические цели, говорит о многом, и в нем озвучивается доктрина, разрабатывавшаяся со времен холодной войны. Соединенные Штаты и их союзники, особенно Британия, переопределили войну и критерии, по которым мы судим о ней. Новая доктрина войны, складывающаяся сегодня, представляет собой необходимое следствие новой формы империи.

Сразу же после событий 11 сентября президент Буш объявил, что его целью было избавление мира от «злодеев». Тогда «война против терроризма» была названа операцией «Безграничное правосудие». Немного позднее премьер-министр Тони Блэр заявил на съезде Лейбористской партии, что нынешняя кампания должна быть частью более широкого проекта по «перестройке нашего мира». В то же время никто не пытался объяснить, что стояло за всеми этими грандиозными амбициями. И симпатизирующие наблюдатели, и критики перечисляли возможные цели первого военного раунда: поимка Усамы бен Ладена, уничтожение лагерей подготовки боевиков Аль-Каиды (к тому времени, конечно, уже пустых), свержение Талибана; но о нападении на Ирак с целью завершения работы, которая осталась недоделанной Джорджем Бушем-старшим, речи тогда не шло.

Многие полагали, что Белый дом просто раскололся на «голубей» и «ястребов» или что администрация просто находилась в растерянности, не зная, что делать. И был велик соблазн посчитать заявления Блэра об этих грандиозных планах средством для отвлечения внимания от проблем внутри своей страны. Конечно, во всех этих интерпретациях содержалось некоторое зерно истины. Но планы Буша и Блэра требовали более серьезного рассмотрения.

В обращении Соединенных Штатов к военным действиям для преследования своих имперских интересов и поддержания своей экономической гегемонии не было ничего нового. Не нужно напоминать, что после Второй мировой войны Соединенные Штаты ввязывались в одну военную авантюру за другой. Некоторые комментаторы сходятся в том, что Соединенные Штаты были необычайно вялой глобальной державой, несклонной исполь-

5 Ed Vulliamy. Inside the Pentagon // *Observer*. 30 September, 2001.

зовать свою военную силу. Но, хотя Соединенные Штаты действительно болезненно относились к потерям в своих собственных вооруженных силах, это не мешало им осуществлять регулярные военные вмешательства не только в крупных войнах в Корею и Вьетнаме, но также в небольших повторяющихся вторжениях в других частях света — от Центральной Америки до Африки. Тем не менее после окончания холодной войны здесь появился новый момент. Если отбросить самодовольную риторику Блэра и Буша-младшего, останется новая военная доктрина, которая при всей экстравагантности своих моральных притязаний все же исходит из многовекового дискурса «справедливой войны».

Традиция справедливой войны всегда славилась своей гибкостью и бесконечной способностью приспособляться к множеству интересов господствующих классов, включая самые агрессивные и грабительские военные авантюры. Несмотря на изменение характера войны и империализма, идеологии оправдания могли оставаться в известных концептуальных рамках и использовать известные базовые принципы. Даже «позитивистские» концепции международного права, которые признавали, что принципы справедливости не исходят от высшего, божественного авторитета, все же обращались к известным базовым положениям, связанным со «справедливой войной». Новая доктрина, хотя и ссылаясь на традиции справедливой войны, впервые за многие века считала такие принципы недостаточно гибкими и предпочла отказаться от них. И точно так же, как раньше принципы подгонялись под меняющиеся контексты и требования, нынешний разрыв обладает своим особым историческим контекстом и связан с особыми имперскими потребностями.

Доктрина «справедливой войны», несмотря на все свои преобразования, предъявляла несколько важных требований, касавшихся ведения войны: необходимо справедливое дело; война должна объявляться соответствующим органом, наделенным соответствующими полномочиями, и только после того, как исчерпаны все остальные средства; кроме того, должна быть обоснованная возможность достижения желаемой цели и средства должны соответствовать этой цели. Границы этой доктрины часто расширялись и становились почти бессмысленными — например, Гуго Гроций оправдывал использование военной силы частными торговыми компаниями. Но нынешняя доктрина порывает с традицией европейской военной теории и практики совершенно по-новому.

Соединенные Штаты утверждают, что война ведется во имя правого дела, что она санкционирована высшим авторитетом и преследует благие намерения; и они всегда говорят, что у них нет другого выхода. Конечно, такие утверждения более чем спорны. Но по крайней мере такие оправдания американских военных кампаний, при всей своей спорности, до сих пор оставались в рамках аргументации в пользу справедливой войны. Разрыв стал наиболее очевидным в двух других пунктах: что необходимо иметь обоснованную возможность достижения целей любых военных действий и что нужно использовать соразмерные средства.

Новая доктрина войны, озвученная Бушем и Блэром, противоречит первому из этих двух принципов. Необходимо сказать, что ни одни военные действия не способны избавить мир от бушевых «злодеев». В этом смысле «война против терроризма» вряд ли может положить конец терроризму. Она может даже привести к усугублению ситуации. Военные действия — даже с гуманитарной окраской — неспособны сделать мир таким, каким его рисуют Буш и Блэр.

Также очевидно, что новая доктрина отходит от принципа достижимых целей в еще одном отношении, о котором раньше и подумать не могли сторонники доктрины справедливой войны. Этот особый принцип был направлен против бесполезных и губительных авантюр, осуществляемых силами, которые не имеют средств для достижения своих целей и могут только ухудшить свое положение. Но сейчас речь идет о самой могущественной военной силе в мире, самой могущественной из всех, когда-либо известных, которая вполне может рассчитывать на достижение любой обоснованной военной цели. Поэтому здесь вводится новый принцип: это может просто означать, что военные действия могут быть в конечном итоге оправданы без всякой надежды на достижение своей цели; но также можно сказать, что военные действия теперь больше не требуют какой-либо конкретной цели.

Такой принцип, естественно, оказывает влияние и на оценку целей и средств. Мы привыкли критиковать Соединенные Штаты и их союзников за действия, которые по своим разрушительным средствам не соответствуют заявленным целям. Но теперь мы вынуждены отказаться от самого принципа соразмерности — не только потому, что нас теперь просят согласиться с «несоразмерными» средствами, но и потому, что при отсутствии конкретных целей никакие расчеты не будут обоснованными. Возникает новый принцип войны *без конца и цели*.

«Война против терроризма» не первый случай применения новой доктрины. В своих истоках она, конечно же, восходит к холодной войне. Даже в «войне с наркотиками», неизбежно имеющую военную составляющую и проводимую непосредственно Соединенными Штатами или при их поддержке, скажем, колумбийскими войсками, присутствует этот налет. Но другим важным шагом во введении новой доктрины было понятие «гуманитарной войны». В этом отношении ограничения старых принципов справедливой войны были открыто отвергнуты.

Известно, что во время споров по поводу войны на Балканах бывший государственный секретарь Мадлен Олбрайт, затем ставшая представителем Соединенных Штатов в ООН, набросилась на тогдашнего главу Объединенного комитета начальников штабов, который выступал против военного вмешательства в Боснии. Он исходил из так называемой «доктрины Пауэлла», военной доктрины в духе старой традиции справедливой войны, которая требовала, чтобы военные действия имели четкие и ясные цели, адекватные средства и стратегию отступления. «Какой смысл иметь такую превосходящую армию, о которой вы постоянно твердите, если мы не можем ее использовать?» — возражала Олбрайт. Конечно, его доктрина не исключала

военных действий. Пауэлл, как военный, вряд ли был пацифистом. Они расходились именно в том, что традиционные доктрины справедливой войны требовали конкретных и в конечном итоге достижимых целей и соответствующих средств.

Но если выступление Олбрайт стало вехой в развитии этой новой доктрины, то это потому, что многие американские политики высказывали схожие взгляды и до нее. Когда Генри Киссинджер отстаивал непредсказуемое использование военной силы, он, как и Олбрайт, имел в виду намного более широкое и неопределенное использование силы в политических целях, которое не ограничивалось достижением какой-то конкретной военной цели (об этом говорили многие во время холодной войны). И конечно, он был не слишком предан идее справедливой войны и всегда придерживался противоположных принципов аморального *raison d'état*. Но другие политические лидеры,

проводившие ту же политику, без труда находили обоснования справедливости войны. Сегодня Дональд Рамсфельд, Пол Вулфовиц и Дик Чейни вместе с советником Буша Ричардом Перлом отстаивают взгляды, которые явно противоречат старым принципам справедливой войны, касающимся целей и средств. Их план — операция «Бесконечная война» — предполагает войну, не ограниченную ни временем, ни географией.

Президент Буш озвучил новую военную доктрину, которая по

сути означает объявление вечной войны. В новой политике «оборонительного вмешательства», которая знаменует собой разрыв со сложившейся военной доктриной сдерживания, Соединенные Штаты заявляют о своем праве наносить массированные упреждающие удары там и тогда, где и когда они сочтут нужным, без какой-либо четко определенной причины и, конечно, не только перед лицом существующей военной угрозы, а просто при ощущении некой будущей опасности (или вовсе без него). Администрация Буша ясно дала понять, что доктрина упреждающих ударов включает использование ядерного оружия. И это состояние бесконечной войны требует также создания нового политического и идеологического климата, простирающегося от эрозии гражданских свобод до осуждения и даже подавления несогласных.⁶

6 Любопытным симптомом последней тенденции служит оскорбительный документ под названием «В защиту цивилизации: как наши университеты ведут Америку к пропасти», который осуждает академических критиков так называемой «войны с терроризмом» как предателей. В этом документе, подготовленном Американским советом попечителей и выпускников, организацией, основанной при участии Линн Чейни,

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЗАЯВЛЯЮТ
О СВОЕМ ПРАВЕ НАНОСИТЬ МАССИ-
РОВАННЫЕ УПРЕЖДАЮЩИЕ УДАРЫ
ТАМ И ТОГДА, ГДЕ И КОГДА ОНИ
СОЧТУТ НУЖНЫМ, БЕЗ КАКОЙ-ЛИБО
ЧЕТКО ОПРЕДЕЛЕННОЙ ПРИЧИНЫ

Согласно Ричарду Перлу, в «войне с терроризмом нет никаких этапов»:

Это тотальная война. Мы боремся с множеством врагов. Многие из них находятся далеко отсюда. Речь идет, прежде всего, об Афганистане и Ираке. Но мы не собираемся останавливаться на этом. Это было бы ошибкой... Мы полностью уверены в своей правоте, и во время тотальной войны нет нужды в умной дипломатии... Наши дети будут благодарны нам.⁷

Что мы имеем? Тотальную и бесконечную войну — не обязательно непрерывную, но войну с неопределенной длительностью, целями, средствами и пространственным размахом.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Новая идеология войны без конца и цели отвечает особым потребностям нового империализма. Этот империализм, который появился только в XX веке и только после Второй мировой войны, принадлежит к капиталистическому миру. Такая поздняя датировка капитализма и империализма может показаться несколько странной, но последние десятилетия отличались *универсальностью* капитализма и даже тогда, когда СССР еще существовал, императивы капитализма определяли развитие мира в целом. Марксистские теории империализма принадлежали к иной империалистической эпохе, когда никто и не думал, что капитализм когда-нибудь будет таким универсальным, каким он стал сегодня.

Но распространение капиталистических императивов в современном мире не отменяет необходимости территориального государства. Напротив, чем более универсальным становится капитализм, тем больше он нуждается в столь же универсальной системе надежных местных государств. Тем не менее точно так же, как у нас нет систематической теории империализма в мире универсального капитализма, у нас нет и теории империализма в мире, состоящем не из имперских господ и колониальных рабов, а из международной системы, в которой и имперские, и подчиненные державы являются более или менее суверенными государствами.

Разговоры об империализме сегодня ведутся чаще, чем когда бы то ни было, и теории глобализации как формы империализма не заставляют себя долго ждать. Но традиционное описание глобализации как упадка территориального государства упускает одну отличительную особенность нового империализма, а именно — его уникальный способ экономического господства, определяемый системой множества государств. Своеобразие этого империализма начинает проявляться только сейчас; и специфическая роль, которую в этом новом контексте играют вооруженные силы, сегодня находит выражение в систематической идеологии войны.

жены вице-президента США, перечисляются имена всех несогласных в духе печально известной маккартистской эпохи. Миссис Чейни также является автором книги для детей «Америка: основы патриотизма», азбуки джингоистской пропаганды.

7 Цит. по: John Pilger. *The New Rulers of the World*. London: Verso, 2002. Pp. 9–10.

Раньше из капиталистического империализма в рудиментарном виде возникла идея империи не как завоевания или даже военного господства и политической юрисдикции, а как чисто экономической гегемонии. Джон Локк лучше всего осмыслил эту новую концепцию. Его теория колониального присвоения оставляла в стороне вопрос о политической юрисдикции или праве одной политической силы господствовать над другой; и в его теории собственности империализм становится чисто экономическим отношением, даже если это отношение требует грубой силы для его навязывания и поддержания. Такой тип отношений нельзя оправдать правом на правление или даже правом на соответствующие незанятые или неиспользуемые земли, а только правом или даже обязанностью производить меновую стоимость.

Прежде чем экономическая гегемония капитала установила господство в мире, капитал пережил классическую эпоху империализма со всем его острым геополитическим и военным соперничеством. Капиталистический империализм означает почти исключительно экономическое господство: рыночные императивы, используемые господствующими капиталистическими державами, вступают в действие только после выполнения своей миссии имперскими государствами или колониальными поселенцами. Но, как стало ясно теперь, универсальность капиталистических императивов вовсе не отменяет потребности в военной силе. Наоборот, она ее только усиливает. Новый империализм, как и в локковской теории колониальной экспроприации, не может обойтись без доктрины войны.

И вновь особое и важное свойство капиталистического империализма заключается в том, что его экономическое распространение намного превосходит его политическое и военное влияние. Он может опираться на экономические императивы «рынка» в решении большинства своих имперских проблем. Это резко отличает его от ранних форм империализма, которые зависели от внеэкономической силы — будь то территориальные империи, которые могли захватывать территории, навязывая свое правление силой прямого принуждения, или торговые империи, превосходство которых зависело от господства на морях или других торговых путях.

Навязывание экономических императивов может быть весьма кровавым делом. Но когда подчиненные силы становятся уязвимыми по отношению к этим императивам и «законам» рынка, для навязывания воли капитала прямое правление имперских государств больше не требуется. Тем не менее мы вновь сталкиваемся здесь с парадоксом: хотя рыночные императивы могут выходить далеко за рамки силы какого-то одного государства, сами по себе они должны навязываться внеэкономической силой. Ни этого навязывания экономических императивов, ни повседневного социального порядка, необходимого для накопления капитала и действия рынка, невозможно достичь без органов власти и принуждения, действующих на локальном и куда более ограниченном территориально уровне, чем экономический охват капитала.

Именно поэтому с расширением чисто *экономической* империи происходит распространение национальных государств. Для правления глобаль-

ного капитала необходимыми оказываются не только имперские державы, но и подчиненные государства. Более того, стратегия капиталистического империализма предполагает создание местных государств, которые должны служить проводниками капиталистических императивов. И глобализация не преодолевает такую имперскую потребность в системе государств. «Глобализованный» мир — это мир национальных государств *par excellence*. Новый империализм, который мы называем глобализацией именно из-за его зависимости от широкой экономической гегемонии, выходящей далеко за пределы территориальных границ или политического господства государства, основывается, прежде всего, на системе множества государств.

ПРИБАВОЧНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ?

Нам говорят, что война без границ стала ответом на мир без границ, мир, в котором национальные государства перестают быть основными участниками и в котором главная угроза исходит от негосударственных участников или «террористов». Этот аргумент обладает определенной привлекательностью в силу своей симметричности, но не выдерживает никакой критики в силу отсутствия какой-либо связи с реальностью. В отличие от всех остальных видов насилия, терроризм избегает открытого военного противостояния не вопреки, а благодаря отсутствию своей связи с государством; во всяком случае, «война против терроризма» может способствовать росту террористических нападений, а не их предотвращению. Угрозу со стороны негосударственных врагов невозможно объяснить непропорциональной концентрацией военной силы, которая не направлена ни на одну определенную цель. Напротив, «прибавочный империализм» можно понять только как — пусть и искаженный и даже в конечном итоге самоубийственный — ответ на глобальную систему государств и ее противоречивое развитие.

Глобальный капитал нуждается в локальных государствах. Но хотя государства, действующие по указке глобального капитала, могут быть более эффективными, чем старые колониальные поселенцы, которые некогда распространили капиталистические императивы по всему миру, они также сталкиваются с серьезными угрозами. В частности, у них есть свои собственные потребности и оппозиционные силы; кроме того, их собственные силы принуждения могут оказаться в руках не у тех людей, которые могут выступить против воли имперского капитала. В этом глобализованном мире, где происходит «отмирание» национального государства, ирония состоит в том, что из-за зависимости нового империализма от системы множества государств для поддержания глобального порядка вопрос о локальных силах и способах управления этими государствами приобретает первостепенную важность.

Серьезная, хотя и не неотложная опасность заключается в том, что народная борьба за действительно демократические государства, за изменение баланса классовых сил в государстве и международная солидарность с демократической национальной борьбой может представлять чрезвычайно серьезный вызов имперской мощи. В мире, где неравенство между богаты-

ми и бедными не сокращается, а растет, эта мысль о возможности, пусть и отдаленной, такого движения никогда не покидает имперское сознание. Имперский гегемон не забывает и о растущем недовольстве и антисистемных настроениях, вызванных неолиберальной глобализацией во всем мире, на севере и на юге.⁸

Но, несмотря на наличие или отсутствие непосредственной угрозы широкой «смены режимов» в нежелательном направлении, Соединенные Штаты прилагают большие усилия для поддержания политической среды, в которой могло бы происходить свободное перемещение американского «глобального» капитала. Поэтому имперская мощь служит своеобразной гарантией того, что они не утратят контроль над глобальной системой государств. Хотя эта перспектива может показаться маловероятной или отдаленной, Соединенные Штаты стремятся не допустить ее, демонстрируя одно из бесспорных преимуществ, свою подавляющую военную силу — просто потому, что они могут остаться безнаказанными.

Существует несколько различных опасностей, которые могут представлять угрозу этой глобальной системе при господстве Соединенных Штатов, и все они связаны с государством. Первая — это беспорядок, вызванный *отсутствием* действенной государственной власти — например, сегодняшние «несостоятельные» государства — и угрожающий стабильной и предсказуемой среде, в которой нуждается капитал. Кроме того, угроза исходит также от государств, действующих за пределами мирового порядка, находящегося под властью США. Такие государства Вашингтон предпочитает называть государствами-изгоями (или «осью зла»); это, пожалуй, единственное, чем они отличаются от точно таких же государств-носителей «зла», остающихся в американской орбите.

И еще больший вызов исходит не со стороны таких маргинальных примеров, а со стороны государств и экономик, которые могут функционировать слишком хорошо и представлять угрозу американскому превосходству. Эти угрозы связаны не только с возможными будущими соперниками, вроде Китая или России. Но в рамках капиталистического порядка и даже в самом его ядре содержатся еще более серьезные вызовы. Европейский Союз, например, может стать намного более сильной экономической державой, чем Соединенные Штаты.

Но поддерживать гегемонию среди крупных капиталистических держав сложнее, чем достигнуть геополитического господства или даже просто «баланса сил», которые были целью старых имперских государств во времена традиционного межимпериалистического соперничества. Теперь победить соперников не так просто. Война с крупными капиталистическими соперниками, хотя ее и нельзя исключать, скорее всего, будет самоубийственной: она приведет не только к уничтожению конкуренции, но также рынков и инвестиционных возможностей. Имперское господство в глобаль-

⁸ Вкратце о нынешнем «кризисе легитимности» см.: Walden Bello. Drop Till We Shop? // *The Nation*. 21 October, 2002.

ной капиталистической экономике требует соблюдения тонкого и неустойчивого баланса между подавлением конкуренции и поддержанием условий в соперничающих экономиках, которые создают рынки и прибыль. Это одно из самых главных противоречий нового мирового порядка.

Противоречивые отношения между крупными капиталистическими государствами лучше всего иллюстрируются развитием Германии и Японии после Второй мировой войны и их отношениями с бывшими противниками. Их экономический успех был, с точки зрения Соединенных Штатов, одновременно благом и злом, создавая, помимо рынков и капитала, также угрозу конкуренции. С тех пор в отношениях между крупными капиталистическими странами поддерживался неустойчивый баланс между соперничеством и сотрудничеством и постоянно присутствовали серьезные разногласия правда без угрозы войны.

Имперская гегемония в мире капитализма таким образом означала сдерживание соперничающих экономик и государств без вступления в войну с ними. В то же самое время новая военная доктрина основывается на той посылке, что сила является незаменимым инструментом в поддержании критического баланса, даже если ее применение в сдерживании крупных конкурентов должно быть непрямым. Это особенно справедливо, когда другие экономики переживают серьезный рост по отношению к гегемонистской державе. Конечно, «единственная сверхдержава» не может не замечать, что, пока ее собственная экономика переживала (и переживает до сих пор?) спад, в других частях света, особенно в Китае, наблюдался беспрецедентный рост.⁹ Возникновение Европейского Союза в качестве экономической сверхдержавы также сделало военное превосходство единственным надежным свидетельством сохранения американской гегемонии.

«Европейцы начинают понимать», — пишет бывший редактор зарубежного издания *Newsweek* Майкл Хирш в авторитетном журнале *Foreign Affairs*, — «то, что японцы поняли во время войны в Персидском заливе: огромная экономическая мощь позволяет вам влиять на экономику других стран... Токио осознал во время войны в заливе, что он не готов был стать новым Римом “Тихоокеанского века”. И в этой важнейшей области жесткой силы Европа, как и Япония, остается сегодня “пигмеем”...»¹⁰ В этой статье Хирш критиковал американскую односторонность в надежде, что Европа в конечном итоге сможет набраться сил, чтобы бросить вызов Соединенным Штатам. Но сегодняшняя американская доктрина неоспоримого (и крайне дорогостоящего) превосходства явно призвана показать безнадежность попыток создания независимых японских и европейских вооруженных сил — не только потому, что это гарантирует преобладание Соединенных Штатов в «области жесткой силы», но и потому, что «жесткая сила» влияет на экономику.

9 О контрасте между длительным экономическим спадом на Западе и особенно в США и заметным ростом в других странах, например, в Китае, намного превосходящим даже послевоенный бум на Западе см.: Perry Anderson. *Confronting Defeat // London Review of Books*. 17 October, 2002. P. 12.

10 Michael Hirsh. *Bush and the World // Foreign Affairs*. September-October 2002. P. 38.

Соединенные Штаты готовы поддерживать развитие европейских вооруженных сил до определенного предела, если их характер и использование могут быть ограничены четко поставленными задачами — например, европейские миротворческие силы могут оказаться полезными при исправлении положения после американского военного вмешательства, а различные спецподразделения могут использоваться в «войне с террором». «Модернизированные европейские силы НАТО особенно ценны для Вашингтона в двух отношениях», — пишет Пфaff:

Прежде всего, они позволяют сберечь ресурсы и силы, которые в противном случае могли бы потребоваться для оперативного реагирования в Европейском Союзе. Кроме того, его модернизированные системы вооружения и структуры могут быть интегрированы в американские системы командования, контроля и коммуникации и даже использованы на вторых ролях в операциях Соединенных Штатов и НАТО. И об этом, несомненно, помнят воинственно настроенные внешнеполитические мыслители в Вашингтоне, считающие Европу, а не Китай единственной силой, которая способна оспорить в будущем преобладание Соединенных Штатов в мире.¹¹

Иными словами, основная задача НАТО сегодня состоит не столько в создании альянсов против общих врагов, сколько в поддержании американской гегемонии над своими друзьями. Таким образом, американская военная доктрина призвана разрешить противоречия глобального капитализма. Ее основная идея состоит в том, что США должны обладать таким военным превосходством, с которым не сможет сравниться ни одно другое государство или объединение государств, дружественных или враждебных. Цель этой стратегии состоит не только в недопущении нападений, но и в обеспечении того, что ни одно государство не станет стремиться к глобальному или даже региональному доминированию.

ДОКТРИНА БУША

В 1992 году в *New York Times* было опубликовано составленное в Пентагоне «Руководство по оборонному планированию». Его автором был Пол Вулфовиц, писавший тогда для Буша-старшего, а теперь консультирующий Бушамладшего. Логика этого документа довольно заковыриста, но его посыл тем не менее очевиден: задача сохранения военного превосходства США на Ближнем Востоке и за его пределами связана не столько с обеспечением поставок нефти в США, сколько в убеждении «ведущих индустриальных стран в тщетности попыток бросить вызов нашему лидерству». Честолюбивым державам Азии и Европы необходимо противопоставить военное доминирование, способное «удержать потенциальных соперников от любых

11 William Pfaff. A Foreign Legion for the Pentagon? NATO's «relevance» // *International Herald Tribune*. Thursday 7 November, 2002. P. 8.

притязаний на более важную роль в регионе или в мире».¹² Цель состоит в «доминировании по всему спектру», включая господство в космосе.

Этот документ явно показывает, что «тотальная» война, отстаиваемая Ричардом Перлом, представляет собой не просто ответ на 11 сентября. Это трагическое событие использовалось как предлог для запуска давней программы. Даже не слишком воинственный Колин Пауэлл, рассуждая об «одностороннем мировом господстве», еще в 1992 году утверждал, что США должны иметь достаточно сил, чтобы «не допустить того, чтобы у кого-то вообще зародились мысли бросить нам вызов на мировой арене».¹³

Доктрина, изложенная в «Руководстве по оборонному планированию», приобрела официальный статус в «Новой стратегии национальной безопасности», обнародованной в сентябре 2002 года. В доктрине Буша говорится об одностороннем и исключительном праве на упреждающие нападения в любое время и всюду, независимо от всяких международных соглашений, чтобы гарантировать, что «наши силы будут достаточно велики, чтобы убедить потенциальных противников отказаться от идеи создания вооруженных сил, способных сравниться с мощностью Соединенных Штатов».

Цель этой доктрины не осталась незамеченной множеством сочувствующих или критических комментаторов. Они поняли, что задачи военной стратегии не всегда бывают очевидными и что главной целью была гегемония над крупными соперниками, друзьями и врагами. «Нас не волнует ближневосточная нефть, — пишет один из аналитиков, — мы принимаем на себя роль жандарма на Ближнем Востоке, чтобы Япония и другие страны не беспокоились насчет поставок нефти... чтобы они не ощущали необходимости в создании серьезной мощи, вооруженных сил и доктрины безопасности». Конечно, здесь недооценивается важность ближневосточной нефти для США, но заинтересованность Соединенных Штатов в разубеждении возможных дружественных конкурентов в необходимости создания независимых вооруженных сил зафиксирована очень точно. Два других комментатора заметили, что Соединенные Штаты не заинтересованы в разрешении некоторых мировых конфликтов, потому что тогда сохранение огромной военной силы будет неоправданным. «Лучшим решением, например, может служить статус-кво в Корее, который позволит силам Соединенных Штатов оставаться там на неопределенно длительный срок», а воссоединение Кореи и вывод американских войск может побудить Японию заняться созданием своих вооруженных сил.¹⁴

Критики администрации Буша убеждены, что стратегия знаменует собой серьезный разрыв с более ранней внешней политикой Соединенных Штатов. На протяжении нескольких десятилетий после окончания Второй

12 Цит. по: Nick Cohen. With a friend like this... // *Observer*. 7 April, 2002. P. 29.

13 Цит. по: Anatol Lieven. The Push for War // *London Review of Books*. 3 October, 2002. P. 8.

14 Цит. по: Nick Cohen. With a friend like this... Коэн также отмечает, что нефть в Соединенные Штаты поступает в основном из других регионов — Канады, Мексики, Венесуэлы и от местных поставщиков (одним из крупных источников может стать также Россия) — и только четверть всех поставок приходится на страны Персидского залива.

мировой войны, утверждают они, политика основывалась на «реализме», который предполагал сдерживание Советского Союза, и своеобразном «либерализме», в котором «сочетались открытая торговля, демократия и многосторонние институциональные отношения».¹⁵ Тем не менее без преемственности между прошлым и настоящим безответственный авантюризм администрации Буша становится просто невозможно понять. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов возможную иррациональность и экстремистский настрой в окружении Буша или даже его частную и личную заинтересованность в нефтяной индустрии. Но нынешняя стратегия имеет очень глубокие корни.

Не приходится сомневаться в том, что пренебрежение Буша международными соглашениями довело американский односторонний подход до крайности. Тем не менее в убеждении команды Буша в том, что основная цель американской внешней политики состоит в установлении гегемонии над глобальной системой более или менее суверенных государств и что для достижения этой цели необходимо подавляющее военное превосходство, нет ничего нового. Легендарный госсекретарь времен холодной войны Джон Фостер Даллес говорил об этом еще в 1950-х годах; и хотя новая доктрина упреждающего нападения, несомненно, предполагает разрыв с более ранними доктринами сдерживания, разница между «массированным [то есть несоразмерным] ударом» Даллеса и «упреждающим ударом» Буша не так уж велика.

Изменились не столько основные принципы военной доктрины Соединенных Штатов, сколько условия, при которых они могут проводиться в жизнь. В послевоенный период экономическое могущество США было практически неоспоримым. Несмотря на вызов со стороны Советского Союза, Соединенные Штаты на протяжении длительного бума, сопровождавшегося ростом военного превосходства, могли более или менее спокойно опираться на свое экономическое господство в управлении капиталистическим миром — хотя даже тогда включение потенциальных соперников в военные альянсы во главе с США было важной составляющей гегемонистской стратегии. В то же время их военное превосходство теперь настолько велико и неоспоримо, что у дружественно настроенных соперников нет никаких стимулов для того, чтобы тратить силы, пытаясь сравняться с ним. В таких обстоятельствах вряд ли стоит удивляться тому, что Соединенные Штаты все чаще обращаются к военной силе для закрепления своей гегемонии и связанных с ней экономических преимуществ (например, контроля над нефтью).

И кажущиеся более умеренными администрации, наподобие клинтоновской, не так уж сильно отходили от этой военной доктрины. Более того, они расширили границы войны, введя понятие «гуманитарной» войны, которое не так далеко от даллесовского тезиса о том, что во внешней поли-

15 G. John Ikenberry. *America's Imperial Ambition // Foreign Affairs*. September-October 2002. P. 47.

тике простое «сдерживание» необходимо заменить активным «освобождением». Вряд ли Клинтон развил бы эту стратегию до бушевских крайностей, и он мог избежать обреченных на провал действий в большинстве военных авантур, которые казались такими привлекательными для администрации Буша. Но если разрыв между более ранними послевоенными администрациями и нынешним режимом Буша и существует, то он связан не с основными принципами американской глобальной гегемонии и военного превосходства.

Сегодняшняя доктрина Буша служит крайним выражением старых стратегических взглядов. Но, обреченная на провал, она имеет в своих истоках широкие имперские амбиции, которые определяли американскую внешнюю политику после Второй мировой войны. Не трудно понять, как проект глобальной экономической гегемонии вкупе с рискованным подходом к осуществлению имперского правления посредством множества государств неминуемо принял сегодняшнее направление. Возможно, нужно было время, чтобы прийти к ситуации, когда потенциальным противником, требующим военного господства в ответ на угрозу, начал считаться весь мир, а не только коммунистический враг. Контрпродуктивность современного военного подхода, который неизбежно вызывает рост антиимперских настроений во всем мире, конечно, отражает противоречие в новом империализме. Но обе стороны такого противоречия связаны с внутренней логикой этой имперской системы.

Надо сказать, что исчезновение с крахом Советского Союза другой крупной сверхдержавы привело к коренному изменению глобального порядка: некому стало сдерживать глобальные амбиции Соединенных Штатов. Конечно, можно сказать, что устранение главного соперника должно было ослабить американское стремление к еще большему глобальному превосходству и что нынешнее поведение Соединенных Штатов представляет собой явную патологию. Но распад Советского Союза осложнил сохранение американской гегемонии над союзниками. Так или иначе, гипергосподство само создает свою собственную логику и движущие силы. Одностороннее глобальное господство никогда нельзя установить окончательно. Это означает расширение границ войны за пределы возможностей потенциальных соперников; и это требует постоянного революционирования средств ведения войны, которые больше не могут оставаться неиспытанными и неиспользованными.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ С КРАХОМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ДРУГОЙ КРУПНОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ ПРИВЕЛО К КОРЕННОМУ ИЗМЕНЕНИЮ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА: НЕКОМУ СТАЛО СДЕРЖИВАТЬ ГЛОБАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

КТО БУДЕТ СТОРОЖИТЬ СТОРОЖЕЙ?

Таким образом, использование американской военной силы не преследует простых и понятных целей. Оно играет сложную роль в поддержании системы покладистых государств и предъявляет новые требования к идеологии. Старые формы колониального империализма требовали открытого покорения народов и военного подавления непокорных соперников, которое подкреплялось соответствующими теориями войны и мира. Новый капиталистический империализм, хотя он и зависит от принудительной силы для осуществления контроля над колониальными территориями, по-видимому, способен обходиться без политической защиты колонизации и включать оправдание колониального владения в теорию собственности. Глобализация, экономический империализм капитала, доведенный до своего логического завершения, парадоксальным образом требует новой доктрины внеэкономического и особенно военного принуждения.

Практические и доктринальные трудности, связанные с этой новой ситуацией, очевидны. Если локальные государства будут стоять на страже экономики, то кто будет сторожить сторожей? Могут сказать, что американское экономическое господство достаточно сильно, чтобы сделать податливыми любых возможных соперников, не прибегая к угрозе войны. Но даже если мы оставим в стороне экономический вызов крупных конкурентов, система, состоящая из множества государств, по-прежнему остается непредсказуемой, и военная сила служит конечной гарантией порядка. Если целью является «одностороннее мировое господство» в этой глобальной системе государств, то нужно обладать абсолютным военным превосходством, чтобы быть уверенным в том, что воля гегемона никогда не будет оспорена. Хотя постоянная угроза применения силы во всех уголках света может быть обречена на провал, гегемон, однажды получивший экономическое господство в мире с множеством государств, вряд ли сможет добиться своей цели, не имея необходимой военной силы.

Тем не менее роль военной силы в установлении и сохранении имперского контроля над глобальной экономикой во многом отличается от ее роли в осуществлении суверенитета над четко ограниченной территорией. Ни одно государство в мире, даже обладающее такой огромной военной силой, как Соединенные Штаты, не может навязывать свою власть в повседневном режиме по всему миру. Ни одна сила не способна постоянно навязывать волю глобального капитала множеству подчиненных государств или поддерживать предсказуемый порядок, необходимый для повседневных транзакций капитала. В этом отношении военная сила оказывается очень грубым инструментом, совершенно неподходящим для обеспечения повседневных правовых и политических условий накопления капитала. Поэтому мобилизация военной силы может осуществляться не столько для достижения конкретных целей в борьбе с конкретными противниками, сколько просто для утверждения и подтверждения своего неоспоримого превосходства.

Во всяком случае поскольку даже американская военная сила не может действовать повсюду одновременно (она не в состоянии даже вести более двух локальных войн одновременно), единственной возможностью служит демонстрация (при помощи частого обращения к военной силе) того, что она может появиться в любое время в любом месте и нанести огромный ущерб. Это не значит, что война будет постоянной, так как это было бы слишком опасно для экономического порядка. Операция «Бесконечная война» явно призвана создать нечто большее, нежели гоббсовское состояние «войны всех против всех»: как пишет он в «Левиафане», «понятие войны состоит не в происходящих боях, а в ясной устремленности к ним в течение всего того времени, пока нет уверенности в противном».¹⁶ Именно эта бесконечная *возможность* войны необходима имперскому капиталу для поддержания своей гегемонии над глобальной системой, состоящей из множества государств.

И это не обязательно значит, что Соединенные Штаты будут вести войны без каких-либо причин просто ради демонстрации силы. Контроль над запасами нефти теперь, как и прежде, служит основным мотивом в имперских начинаниях. Нападение на Афганистан было предпринято с прицелом на огромные запасы нефти и газа в Средней Азии. Хотя сам Афганистан явно не представлял никакого интереса для Соединенных Штатов, которые, по-видимому, были готовы отказаться от «нациестроительства» в нем и позволить стране погрузиться в саморазрушительный хаос, война сделала возможным усиление американского военного присутствия в регионе. Захват нефти в Ираке — получение выгоды американскими нефтяными компаниями за счет конкурентов и усиление глобальной гегемонии благодаря контролю над нефтью — задача намного более трудная. Обладающий огромными запасами нефти Ирак, в отличие от Афганистана, оставить просто так не удастся. Теперь нам известно, что администрация Буша предпочла прямую оккупацию Ирака американскими вооруженными силами и прямой контроль над иракской нефтью — по крайней мере до тех пор, пока контроль над нею не перейдет в руки зависимых от Соединенных Штатов нефтяных компаний.

Тем не менее какими бы ни были конкретные цели американских войн, в них всегда присутствует нечто большее. Конечно, существует давняя потребность в поддержании «военно-промышленного комплекса», который так важен для американской экономики. Как и в свое время холодная война, новая бесконечная война жизненно важна для экономики, которая зависит от военного производства, от милитаризации аэрокосмической промышленности и от глобальной торговли оружием. Как и в случае с холодной войной, состояние бесконечной войны может служить множеству других внутренних целей. Обстановка страха, сознательно подпитываемая администрацией Буша, используется не только для оправдания военных программ и эрозии гражданских свобод, но и для осуществления куда более широкой внутриполитической программы, которая казалась невыполнимой до событий 11 сентября. Даже угроза войны в Ираке была использована для того, чтобы

16 Гоббс Т. *Левиафан*. М., 2001. С. 87.

повлиять на выборы в конгресс. Состояние войны позволяет также укрепить власть внутри страны (особенно это касается Соединенных Штатов).

Но более широкая цель непрекращающейся войны вновь выходит за рамки всего этого: формирование политической среды в глобальной системе, состоящей из множества государств. Эта сложная система, которая включает не только государства-носители «зла», обладающие «оружием массового поражения», но и дружественных конкурентов и эксплуатируемые экономики, требует сложной стратегии и множества военных функций.

В некоторых случаях целью военной силы служит показательный террор, *pour encourager les autres*. Это, согласно правым американским комментаторам, наподобие Чарльза Краутхаммера, было основной целью войны в Афганистане, призванной распространить страх в регионе и за его пределами. В других случаях прямое вмешательство может вести к «смене режима». На Ближнем Востоке мы уже наблюдаем некое возвращение к более раннему империализму с довольно открытым стремлением к реструктуризации региона для еще большего удовлетворения интересов американского капитала. Новый империализм может завершить здесь полный круг. Как и британцы в Индии, которые обнаружили, что торговый империализм открыл дорогу к прямому имперскому правлению, Соединенные Штаты могут осознать, что империя создает свой собственный территориальный императив.

И все же в других случаях, особенно в развитых капиталистических государствах, политическая среда формируется не напрямую. Точно так же, как состояние войны призвано создать подходящий политический климат внутри страны, союзники привлекаются в гегемонистскую орбиту посредством заключения соглашений и вступления в союзы, а также столь устрашающего и дорогостоящего военного превосходства, что остальные крупные экономические державы будут считать бессмысленными попытки сравниться с ним.¹⁷ Во всех этих случаях основной целью является демонстрация и усиление господства Соединенных Штатов над системой, состоящей из множества государств.

Эти цели помогают объяснить, почему Соединенные Штаты обладают такой несоразмерной военной силой, почему они прибегают к военным действиям в ситуациях, которые не требуют военного вмешательства, и почему связь между средствами и целями в этих военных кампаниях оказывается такой слабой.

Эта война без конца и цели связана с бесконечной империей без границ или даже территории. Тем не менее эта империя должна управляться институтами и силами, которые обладают территориальными границами. Глобализация экономики привела к усилению, а не ослаблению зависимости капи-

¹⁷ Об американских стратегиях господства см.: Peter Gowan. *The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Domination*. London: Verso, 1999. О возможных вызовах со стороны западноевропейских держав и особенно Германии см.: Peter Gowan. *The American Campaign for Global Sovereignty* // Leo Panitch and Colin Leys (eds.) *Socialist Register 2003: Fighting Identities: Race, Religion and Ethno-Nationalism*. London: The Merlin Press, 2003. Pp. 1–27.

тала от системы локальных государств в вопросах управления экономикой и к усилению, а не ослаблению государств, занимающихся организацией работы экономики. Это значит, что старое капиталистическое разделение труда между капиталом и государством, между экономической и политической властью оказалось нарушено. Одновременно растет разрыв между глобальным экономическим распространением капитала и локальными силами, необходимыми для его поддержания, а военная доктрина Буша представляет собой попытку заполнить этот разрыв.

В своем стремлении решить указанные противоречия доктрина Буша, конечно, представляет опасность для всего мира, но она также показывает риски и нестабильность глобальной империи, которая покоится на системе, состоящей из множества локальных государств, глобальной экономики, управляемой множеством местных администраций и национальных государств, которые оказываются уязвимыми перед вызовами со стороны постоянно демократической борьбы. Трения в отношениях между глобальной экономической державой и ее местными политическими сторонниками, безусловно, создают возможности для роста оппозиции.

Перевод с английского Артема Смирнова